

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1992 г., ЭО, № 4

А. Д. Саватеев

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА АФРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА (СЕНЕГАЛ)

Адаптация государственности буржуазно-демократического типа к африканским условиям протекает крайне сложно и противоречиво. Тем не менее в отдельных странах создается довольно устойчивое равновесие или тесное переплетение западных и местных политических институтов, обеспечивающее относительно надежное функционирование механизма власти. Анализ складывающихся такого рода (комбинированных или гибридных) механизмов власти при всей их, казалось бы, исключительности позволяет понять причину более или менее устойчивого существования буржуазных режимов в столь противоречивых условиях.

Сенегал по ряду важнейших признаков политического режима тяготеет к буржуазно-либеральной модели государственности. Власть принадлежит местной христианизированной бюрократической и предпринимательской буржуазии, поддерживающей тесные политические и экономические связи с иностранным монополистическим капиталом Франции, США и других западных стран. Иностранная буржуазия по-прежнему играет большую роль в хозяйственной жизни этой страны, однако уже не определяет характер политической власти. В то же время в общественно-политической и экономической сферах бросается в глаза глубокое и практически всеохватывающее влияние на массы местных мусульманских священнослужителей — марабутов, стоящих во главе мусульманских духовных орденов — тарикатов. Оно столь очевидно, что можно говорить о политической структуре Сенегала как о консервативной модели государственности. Таким образом, складывается специфический, основанный на дуализме политической системы Сенегала, механизм власти, который состоит из партийно-бюрократических институтов, образующих верхний, видимый слой политической системы и выступающих в оболочке западной буржуазной демократии, и тарикатов во главе с марабутами, воплотившими власть ислама над сознанием и поведением подавляющего большинства населения¹. Что конкретно представляет собой этот механизм власти, устойчив ли он и в каком направлении эволюционирует?

Центральный элемент политической системы Сенегала — институт личной власти президента, который сосредоточивает в своих руках часть законодательной инициативы и обладает правом окончательного решения в области исполнительной власти.

Со времени провозглашения независимости (1960 г.) и до конца 1980 г. главой государства был основатель и генеральный секретарь правящей Социалистической партии (СП) кателлик Леопольд Седар Сенгор, получивший воспитание и образование во Франции, где под влиянием европейских политических и культурных традиций в основном сформировалось его мировоззрение. За время президентства Сенгор превратился в арбитра, как бы стоящего над борьбой

соперничающих политических деятелей, лидеров мусульманских орденов, других традиционных вождей. Президент и его канцелярия выносили решения по спорным вопросам, отодвигая, а подчас и подменяя Национальное собрание (парламент страны), Совет министров и Верховный суд.

Другой важный элемент официальной политической системы — однопалатное Национальное собрание.

Исполнительную власть осуществляют президент и назначенное им правительство. Члены правительства не имеют права одновременно занимать посты в парламенте.

Говоря о политических структурах Сенегала, надо отметить прежде всего характерные для этой страны довольно прочные традиции многопартийности, заложенные в колониальный период. Еще в 1929 г. было образовано сенегальское отделение Социалистической партии Франции², в 1948 г. — Сенегальский демократический блок. После второй мировой войны возник и ряд мелких партий. Многопартийность постепенно укоренилась в политической жизни страны; партии Сенегала сыграли важную роль в национально-освободительном движении³. Западные традиции многопартийности, воспринятые местной политической элитой под сильным и непосредственным влиянием французской политической культуры, были перенесены в трансформированном виде и в независимый Сенегал. Официальное существование партий позволяет правящему буржуазному и прозападно настроенному слою направить выступления оппозиции в легальное, контролируемое правительством русло, что до известной степени стабилизирует политическое положение в стране.

В настоящее время в Сенегале насчитывается 15 политических партий — от пробуржуазных до марксистских; большая их часть возникла в 1980-е годы⁴. Нацеленность политической программы той или иной партии в какой-то мере определяется социальным составом ее сторонников. Так, основная масса членов Сенегальской демократической партии (СДП), программа которой уделяет особое внимание аграрному вопросу, состоит из крестьян.

Большая часть приверженцев СП — горожане: чиновничество, мелкая буржуазия, прозападно ориентированная интеллигенция, феодалская знать⁵.

СП, точнее ее руководство, господствует в политической жизни с первых дней независимости страны. Она держит в своих руках все ключевые правительственные посты, фактически монополизирует средства массовой информации, официально считающиеся государственными, контролирует армию, полицию, внешнюю политику, определяет экономический курс. Реальное участие в политическом процессе других партий ограничивается организацией идеологических кампаний, внесением парламентских запросов, проведением демонстраций протеста. В результате многопартийная система на деле прикрывает господство одной партии — СП, выражающей в первую очередь интересы «правительственной бюрократии, которая, не колеблясь, отстаивает свое место под солнцем»⁶.

На последних президентских и парламентских выборах, проходивших 28 февраля 1988 г., победу, хотя и не столь яркую, как на предыдущих выборах 1983 г., одержала СП. Кандидат партии А. Диуф получил 74,19% голосов против 24,78%, отданных за его главного соперника, лидера СДП А. Вада. СП завоевала в парламенте около 100 из 120 мест⁷.

Нынешний генеральный секретарь СП, президент Сенегала А. Диуф, сохраняя громоздкий и влиятельный бюрократический аппарат, в основном продолжает внутри- и внешнеполитический курс своего предшественника. При новом президенте авторитарные тенденции еще более усилились: функции премьер-министра, пост которого в 1984 г. был упразднен, перешли в руки главы государства⁸, срок полномочий председателя Национального собрания сокращен с пяти лет до одного года.

Вместе с тем авторитарно-либеральная власть правящей партии при всей ее внешней стабильности не является абсолютной. В ней заметны проявления неустойчивости, которые в последнее время усилились, приобретая характер

кризисных тенденций. Об этом говорят как антиправительственные выступления различных политических, социальных и этноконфессиональных сил (партий, профсоюзов, студентов и преподавателей, рабочих и служащих, сепаратистов диола, населяющих юго-восточную область Казаманс), так и усиливающаяся неустойчивость верхов. Довольно частое явление — перемещения в составе правительства, устранение ряда влиятельных государственных деятелей (например, бывшего — до 1984 г. — премьер-министра, а затем председателя Национального собрания Х. Тиамы, министра иностранных дел М. Ньясса). Перестановки явно отражают непрекращающуюся борьбу за политическую власть на вершине буржуазно-бюрократической пирамиды.

Нет единства и в самой правящей СП. В местных организациях и центральных звеньях партии идет борьба политических кланов, объединяемых этническими, земляческими узами, совместной учебой. Молодые руководители рвутся к рычагам партийной власти, однако не могут повести за собой массы, поскольку пока не имеют необходимого влияния. В то же время очень авторитетное в Сенегале старшее поколение политиков под давлением генерального секретаря партии лишилось в ней своих постов и влияния и теперь составляет оппозицию А. Диуфу.

Однако устойчивость политической системы Сенегала определяют не только и не столько соотношение сил в официальных партийно-государственных структурах, сколько взаимоотношения их с традиционными, точнее, неотрадиционными исламскими институтами. Мы уже отмечали, что в Сенегале сочетаются авторитарный по сути партийно-бюрократический механизм власти и неформальный механизм власти мусульманских орденов.

Особая роль тарикатов в политической жизни Сенегала обусловлена рядом исторических, социально-экономических и культурно-психологических особенностей распространения здесь ислама. Проникший в Сенегал еще в XI в., ислам во второй половине XIX в. стал религией большинства населения, а в настоящее время — господствующей религией: мусульмане составляют не менее 90% жителей страны⁹.

Большую роль в исламизации сенегальского общества сыграло духовно-религиозное учение мусульманского «святого» марабута Амаду Бамбы. В конце XIX в. он создал орден Муридийя, представляющий собой в социальном плане синтез системы возрастных классов (классы молодежи трансформировались в объединения молодых послушников-талибов) и ислама с его социальными нормами, религиозным принуждением и безусловным подчинением верующих духовным авторитетам. Сформировалась оригинальная структура ордена, основанная на религиозно-идеологическом принуждении его членов к труду в пользу шейхов и обладающая социально-экономическими функциями. Политическая и религиозная власть в ордене полностью сливается с неформальным моральным и идеологическим влиянием, обеспечивая его централизованную организацию.

Важное значение для исламизации страны имели также разрушение в период колониального господства Франции государственных образований основной этнической общности — народа волоф, представлявших главное препятствие для распространения этой религии, и сотрудничество верхушки мусульманских орденов с колониальными властями, которые поощряли дальнейшее распространение ислама в Сенегале¹⁰.

Другие мусульманские ордена — Кадирийя, Тиджанийя, укоренившиеся здесь в первой половине XIX в., и отпочковавшиеся от них в XX в. западноафриканские тарикаты Хамаллийя, Ньяссийя восприняли некоторые элементы организации Муридийи, однако из-за относительной слабости внутренней дисциплины не добились такого влияния, каким обладает этот локальный орден.

Молодые талибы Муридийи в возрасте от 5 до 25 лет образуют кооперативы «дара» (в городах — ассоциации «дахира»), в составе которых они в установленные дни работают на полях марабутов, а в другие — на кооперативных, отдавая десятую часть урожая Верховному халифу. В «дара» действует система моральных и материальных поощрений за добросовестный труд, призванная стимулировать

личную преданность мурида своему марабуту. Марабуты же и глава ордена молятся за дарование рая муридам «на том свете» и оказывают им материальную, социальную и моральную поддержку, формируя из них свои клиентелы¹¹. Локальные «дара» группируются в федерации, возглавляемые мукаддимами — представителями халифа или членами семьи халифа. На вершине пирамиды стоит Верховный халиф (Великий Серинь), которому помогают править члены семьи и многочисленные советники¹².

В «дара» и ордене в целом существует система строгого иерархического подчинения; в основе ее — соблюдение заповедей основателя тариката. Слова халифа, донесенные до самого последнего мурида, — закон, ибо, как считается, «его воля — воля Аллаха»¹³. Решения халифа ордена на местах проводят марабуты, с которыми их талибы находятся в отношениях личной зависимости¹⁴. Абсолютная власть над подчиненными дала основание покойному халифу Фалилу Мбаке однажды заявить, что на выборах он располагает 400 тыс. голосов избирателей¹⁵.

Экономические основы политического влияния орденов заключаются прежде всего в монополии на возделывание арахиса, которое составляет основу хозяйства Сенегала (арахисом занята примерно половина обрабатываемых площадей). Из общего объема сбора арахиса на долю ордена Муридийя приходится, по различным оценкам, от трети до трех четвертей. В этом ордене «каждый марабут, от Верховного халифа до самого мелкого шейха, — прежде всего производитель арахиса»¹⁶. По существу марабуты Муридийи превратились в сельскохозяйственных предпринимателей. Их авторитет и богатство вызывают у марабутов других орденов зависть и стремление подражать. Верховный халиф Абду Лахат Мбаке в 1975 г. только в районе Туба Белель владел 750 га земли, что составляло половину обрабатываемых здесь площадей. На него работали 30 дара, т. е. несколько тысяч талибов¹⁷. А в целом семейство Мбаке располагает тысячами гектаров земельных угодий.

Труд членов орденов ежегодно приносил их лидерам 30—40 млн. афр. франков (средняя крестьянская семья получает обычно 130 тыс. франков в год). В 1970-х годах ряд марабутов, особенно молодых, начал активно проникать в сферы промышленности, строительства и услуг. Некоторые лидеры духовных братств стали заниматься финансовой деятельностью, вкладывая вырученные от реализации арахиса средства в предприятия и банки¹⁸.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов ордена поставили под свой контроль большую часть внутренней торговли, ремесленного производства. Активно действуют они и в сфере предпринимательства¹⁹, не брезгают и контрабандной торговлей, центром которой стала резиденция халифа Муридийи в г. Туба.

Таким образом, происходит активное сращивание представителей мусульманской верхушки Сенегала с торговой и промышленной буржуазией, частью которой они становятся²⁰. Некоторые из мусульманских лидеров известны как богатейшие люди страны²¹.

Ордена, особенно Муридийя, представляют собой фактически автономные общественные организации, сплоченные харизматической властью лидеров. Превратившись в экономические и социальные самовоспроизводящиеся системы, они стали достаточно независимы от государства. Экономическая сила и структура орденов, сочетающаяся с широкой поддержкой населения, позволяет их лидерам быть достаточно самостоятельными по отношению к правительству, политическим партиям, профсоюзам. Таков тот прочный фундамент, на котором зиждется не просто влияние орденов, а их особое положение в политической системе страны. Они выступают в качестве ее сегментов, автономных политических структур, с которыми вынужден считаться правящий режим.

В центрах своего влияния тарикаты выполняют некоторые функции государственных институтов, поддерживая общественный порядок в деревнях и даже некоторых городах, обеспечивая сбор и уплату крестьянами государственных налогов. Лидеры орденов — единственные, кто на выборах способен обеспечить

той или иной партии массовую поддержку крестьян. В сельских районах от марабутов зависит назначение правительственных чиновников. Если представитель центральной власти не относится к числу ставленников марабута и его действия не устраивают религиозных деятелей, то чиновника, как правило, вынуждают отказаться от занимаемой должности. Достаточно сильно влияние орденов и в центральном правительственном аппарате, хотя здесь оно сталкивается с конкуренцией христианизированной бюрократической верхушки. Претендующий на важный государственный пост должен иметь поддержку влиятельных марабутов, иначе его не утвердят. В религиозных центрах орденов практически всеми делами вершат халифы орденов и их приближенные, а не должностные лица государства. Так, запрет на продажу и потребление алкоголя и сигарет в г. Туба был введен (в сентябре 1980 г.) решением глав Муридийи. Характерно, что наказание за несоблюдение запрета, предусматривавшее штраф или тюремное заключение, приводилось в исполнение государственной полицией²².

Ордена пользуются значительной самостоятельностью и на внешнеполитической арене; независимо от правительства они поддерживают официальные контакты с мусульманскими организациями многих стран Западной и Северной Африки²³, Ближнего Востока.

Обладая большим авторитетом у подавляющей части мусульман страны, тарикаты имеют потенциальные возможности расстроить любой план правительства, если только он противоречит их интересам. Убедившись в могуществе мусульманских лидеров, Л. С. Сенгор еще в начале своей политической деятельности стремился к сотрудничеству с ними. Став президентом Сенегала, он продолжал прилагать большие усилия, чтобы иметь постоянную поддержку глав орденов²⁴. Присутствие президента страны, других политических деятелей Сенегала на торжественных церемониях по случаю мусульманских праздников — не просто дань вежливости, это — признание влияния тарикатов на крестьянские массы.

Партийно-государственные структуры и мусульманские духовные ордена, несмотря на взаимодействие, сохраняют значительную автономию, что закрепляет дуализм политической организации страны. В то время как партийно-бюрократические институты составляют костяк официальной политической системы и опираются на современные городские слои, религиозные (исламские) институты власти занимают доминирующее положение в системе связей между правящей партией и крестьянскими массами, контролируя организации и политическое поведение жителей деревни и части горожан. Однако поддерживая законность и порядок, обеспечивая сбор налогов и призыв рекрутов в вооруженные силы, мобилизуя голоса верующих в поддержку СП, марабуты в то же время сопротивляются попыткам правительства преобразовать деревню, поставить ее на «рельсы» современного развития²⁵, сознавая, что любое изменение грозит взорвать сложившуюся структуру.

Ордена борются также за усиление своего политического влияния и на общегосударственном уровне. Крупные марабуты стремятся провести своих людей в местные государственные органы и комитеты СП, иметь доверенных лиц в правительстве и парламенте²⁶.

Союз партийно-бюрократической элиты и мусульманских деятелей проявляется в идеологической обработке приверженцев ислама, проводимой самими лидерами орденов: они представляют правительство Сенегала как «дарованное Аллахом», а следовательно, законно.

Однако этот альянс партийно-бюрократической элиты и мусульманской знати не исключает противоречий между ними, влияющих на динамику политической ситуации в стране. Марабуты оказывают давление на правительство и другие государственные институты, пользуясь своим влиянием. Государственная бюрократия больше нуждается в поддержке марабутов, чем они в ней: без содействия мусульманских религиозных лидеров не может быть осуществлена ни одна массовая политическая или экономическая программа; ордена же, обладая всем

необходимым для своего воспроизводства, в принципе могут существовать и без официальных институтов.

В конце 1970-х и в 1980-е годы катализатором этих противоречий стала исламская революция в Иране, способствовавшая появлению исламского фундаментализма и в Сенегале. В сентябре 1979 г. последователь идей Хомейни, известный марабут А. К. Ньясс, которого называли «аятолла Каолака», создал партию «Хизболлахи» («Партию бога»), а два месяца спустя, будучи в Париже, даже провозгласил Сенегал «исламской республикой». А. К. Ньясс заявил, что намерен призвать народ к восстанию против правительства, по его мнению, «развалившего экономику», «враждебно настроенного по отношению к исламу»²⁷. Отражая недовольство значительной части мусульманских кругов и сенегальского общества прозападной ориентацией правительства и влиянием западной культуры, ставших, как считал Ньясс, непосредственной причиной нездорового духовного климата в стране, разрушения моральных устоев общества, исламская партия потребовала вернуться к «истинным исламским ценностям». Критике подверглась и принадлежность СП к Социалистическому Интернационалу²⁸, который рассматривается в качестве «проводника коммунизма», главного, по словам главы «Хизболлахи», «противника ислама»²⁹. Беспокойство правительства вызывала, однако, не столько деятельность фундаменталистов внутри страны, сколько реальная угроза стоявших за «аятоллой Каолака» внешних сил. Впрочем, эти опасения были недолгими: тарикаты не поддерживали мятежного халифа, а партия «Хизболлахи» не без помощи мусульманской верхушки лишилась доверия народа: стали известны факты незаконного присвоения А. К. Ньяссом средств, собранных верующими для паломничества в Мекку³⁰.

В начале 1980-х годов между правительством и лидерами Муридий вспыхнул открытый конфликт из-за цен на арахис и удобрения. Марабуты Муридий настаивали на том, чтобы муриды не продавали арахис государству. Свое недовольство верхушка ордена выразила отказом принять участие в торжествах по случаю одного из главных мусульманских праздников — Табаски, который является и государственным. События привели к небывалому до этого кризису отношений между халифом ордена и официальным режимом³¹. В конце концов правительство было вынуждено уступить давлению лидеров тариката, за которыми стояли миллионы верующих, и подняло закупочные цены на арахис. Вновь обострившиеся в начале 1986 г. отношения между верховным халифом Муридий, который открыто критиковал социально-экономический курс правительства в отношении крестьянства, и А. Диуфом, одна из стратегических задач которого — ослабить влияние тариката Муридий, еще раз показали, насколько самостоятелен этот орден как партнер правительства.

Противоречия в среде религиозных лидеров позволяют правящей группе лавировать между тарикатами, а в случае конфликтных ситуаций выступать в роли арбитра, укрепляя, таким образом, свое положение. Правительство регулярно предоставляет верховным марабутам различные материальные привилегии³². Со своей стороны, марабуты осознают, что взятие политической власти означало бы для них дополнительную ответственность за политическое и экономическое развитие страны, резкое расширение обязанностей и усложнение социального положения. Поэтому они в целом выполняют негласные правила политической игры, соблюдая конституцию страны.

Автономия тарикатов проявляется, в частности, в том, что они могут поддерживать (голосами избирателей, финансами и т. д.) ту политическую партию, которая в наибольшей степени отвечает интересам верхушки данного ордена. Надо сказать, что и политические организации Сенегала ищут поддержки религиозных лидеров. Партии, не имеющие такой поддержки, обречены на изоляцию, они не могут оказать заметного влияния на политическую жизнь страны. Поэтому в Сенегале нет партий, в том числе марксистских, которые не пытались бы тем или иным способом привлечь к себе внимание крупных марабутов.

Особенно преуспевает в этом СП, поскольку как правящая партия она может использовать для привлечения мусульманских лидеров широкий набор государственных средств, включая финансовые, массовой информации и т. д. Многие исследователи политической системы Сенегала прямо связывают успех СП на президентских выборах в 1978 и 1983 гг. с единодушной поддержкой, которую ей оказали верховные марабуты Муридийи и Тиджанийи³³. Появление у государственного руля генерального секретаря этой партии А. Диуфа, который, будучи в тени Сенгора, не обладал авторитетом своего предшественника и которому как члену Тиджанийи было сложнее, чем Сенгору, устанавливать контакты с лидерами других орденов, тем не менее привело к улучшению отношений между мусульманскими лидерами и светской властью. Диуф удовлетворил ряд экономических требований тарикатов³⁴, укрепил связи с арабскими консервативными режимами. В результате расширилась пропагандистская и культурная деятельность этих государств в Сенегале³⁵, повысился авторитет самого А. Диуфа, обреченного, казалось бы, вечно быть «тенью» своего прославленного предшественника на президентском посту.

Сенегальская демократическая партия во главе с А. Вадом, несмотря на светский характер своей программы, независимость от религиозных кругов, стремится установить тесные отношения с Муридийей. Лидер партии считает, что религиозное учение и социально-экономическая практика этого ордена могут обеспечить реальное решение экономических и социальных проблем общества, которое действительно находится в состоянии стагнации³⁶.

В отличие от правящей партии, СДП не имеет прочной поддержки ни Муридийи, ни других орденов, хотя в нее и входит ряд мелких марабутов из района Синс-Салум. Присутствие в рядах партии группы молодых исламских реформистов объясняется скорее их стремлением продемонстрировать правительству недовольство его политикой в отношении ислама, чем желанием превратить СДП в исламскую партию. Некоторое время в СДП состояли А. К. Ньясс и несколько членов его семьи, которым, однако, не удалось вызвать рост исламских настроений в СДП. В 1982 г. правительство (практически СП) обвинило СДП в «сговоре с Ливией» якобы с целью дестабилизации «общественного порядка». В результате авторитету СДП был нанесен существенный урон, а несколько парламентариев от этой партии перешли в ряды СП³⁷. Тем не менее это не повредило связям СДП с Муридийей: с 1984 г. орден все больше склоняется к установлению партнерских отношений с данной партией.

Неофициальные связи с орденами поддерживают и находившиеся до середины 1981 г. на легальном положении такие оппозиционные партии, как Национальное демократическое объединение — НДО (с Муридийей), Народное демократическое движение (НДД) под руководством первого премьер-министра страны М. Диа (с Тиджанийей).

В отличие от СДП, в центре политической деятельности НДД находятся исламские ценности. По мнению М. Диа, одного из самых ярких противников официального режима и правящей СП, африканский ислам органически сочетается со светским государством³⁸. В одном из номеров своей газеты «Анде Сопи» он, ссылаясь на мнения различных общественных кругов, ставил вопрос о необходимости усиления роли ислама в политической жизни: «Должно ли сенегальское государство оставаться светским, или, наоборот, его надо преобразовать в исламское государство? Не пристало ли, по крайней мере, возвести ислам в положение государственной религии?»³⁹.

До недавнего времени НДО возглавлял известный ученый, историк и писатель Ш. А. Диоп — родственник халифа Муридийи, пользовавшийся среди приверженцев последнего, особенно у молодых интеллигентов, заметным авторитетом. Признание сторонников ислама он снискал своей борьбой с западным влиянием, за утверждение национального культурного наследия (языков, мусульманских ценностей).

Африканская партия независимости Сенегала (АПНС), стоящая на позициях мелкобуржуазной революционности, «рассматривает марабутов как наследников революционного прошлого, как дрожжи, «поднимающие» массы, а не как эксплуататоров»⁴⁰. Основатель и глава АПНС — М. Диоп, формулирующий эти взгляды, заявлял даже, что будущее Сенегала зависит от «прочного союза между марабутами и другими патриотами против иностранных эксплуататоров и их агентов»⁴¹. Чтобы завоевать доверие верующих, он свои выступления обычно заканчивал изречениями из Корана⁴².

Близкая к этой позиции оценка политической роли орденов, которую даст религиозным деятелям националистическая Партия освобождения народа (ПОН), ориентирующаяся на орден Муридий как «наиболее отвечающий специфике и чаяниям народа». Союз ПОН с марабутами подкрепляется тем, что страницы ее периодических изданий открыты для выступлений мусульманских лидеров.

Сенегальское республиканское движение (СРД), играя на религиозных чувствах марабутов и рядовых мусульман, поддержало требование создать в стране два исламских университета⁴³. СРД предстает консервативной партией, защитницей свободного предпринимательства и существующего социального порядка, который, как считает глава партии Б. Гей, должен основываться на исламских институтах и этике.

Во всех этих политических организациях главную роль играют вестернизированные городские слои (интеллигенция, бюрократическая и предпринимательская буржуазия, местная аристократия колониальных времен). О крестьянстве их лидеры вспоминают обычно только в связи с крупными избирательными кампаниями, когда они отправляются в самые отдаленные сельские районы страны, где особенно велик авторитет марабутов. Это — одна из причин малочисленности большинства сенегальских партий.

Руководители Партии независимости и труда Сенегала (ПНТС) и других левых партий полагают, что «влияние религиозной аристократии на массы» еще долго будет оставаться «фундаментальным элементом национальной реальности», а потому с ним необходимо серьезно считаться. Они видят в таких исторических мусульманских деятелях, как эль-Хадж Омар (XIX в.) и А. Бамба (конец XIX — начало XX в.) прежде всего героев антиколониального и антиимпериалистического сопротивления⁴⁴ и тоже пытаются заручиться поддержкой (хотя бы временной) глав мусульманских орденов.

Осуждая союз марабутов с А. Диуфом, принесший ему победу на выборах в 1988 г., лидеры этих партий тем не менее воздерживаются от критики глав тарикатов. Так, марксистско-ленинская ПНТС во главе с А. Дансоко категорически отвергает все попытки втянуть партию в «антимарабутскую войну». Программа ПНТС оценивает религиозную верхушку как одну из опор буржуазного империалистического режима, считая в то же время, что рядовые священнослужители сближаются с крестьянством. Программные документы отмечают, что в случае создания в Сенегале национально-демократического государства, оно будет оказывать помощь тарикатам, не допуская в то же время вмешательства орденов в политику. Верующие члены партии имеют право совершать паломничество в религиозные центры Сенегала⁴⁵.

В целом практика деятельности партий в Сенегале показывает, что ислам является знаменем и организационной формой идейно-политической мобилизации масс, т. е. выполняет функцию, которая в развитых странах принадлежит самим партиям. Религия в данном случае служит формой вовлечения масс в политику, подобно тому, как «общинная лояльность и этнические партии» могут становиться «основными каналами, по которым втягиваются в политику малообразованные... социальные группы»⁴⁶.

Таким образом, политические процессы в Сенегале, имеющие своим источником дуализм социально-политической организации общества, в целом укрепляют действующий механизм власти, хотя внешне он лишен необходимой

целостности и органичности. Непосредственным фактором устойчивости данного механизма служит, однако, не просто дуализм политической системы, а специфическое именно для Сенегала определенное равновесие между официальными институтами власти в лице государственной бюрократии, среди которой относительно высока доля христиан, и тарикатами. Первые не могут, если бы и хотели, ликвидировать давление орденов, а вторые не в состоянии (да и не ставят перед собой такой цели) взять в свои руки государственную машину. Балансу столь разнородных сил способствует четкое разграничение сфер влияния: партийно-государственная бюрократия возглавляет политическую систему страны, исламские институты обеспечивают механизм ее функционирования, фундамент политической структуры страны. Насколько эффективно такое распределение обязанностей, свидетельствует тот факт, что за тридцать с лишним лет независимости Сенегал в отличие от других африканских стран избежал серьезных политических и экономических потрясений.

Мусульманские духовные ордена как бы «достраивают» политическую структуру сенегальского общества, замещая в ней недостающие элементы, которые обеспечивают механизм ее функционирования. Политическая структура тем самым получает относительно завершённый облик, приобретая жизнеспособность. Одним из главных процессов, определяющих данный тип взаимодействия местных и «пересаженных» политических институтов, является приобщение религии к политике, что во многом обусловлено относительной слабостью не только политических партий, но и государства. Ислам в лице лидеров орденов необходим государственной бюрократии Сенегала как приводной ремень, обеспечивающий передачу правительственных решений к массам населения. Углубление социальных противоречий и вызванный этим рост активности народных масс вынуждают сенегальских руководителей интенсивнее использовать тарикаты в качестве проверенного временем орудия, освящающего и укрепляющего существующий либерально-авторитарный режим и ослабляющего социальные антагонизмы.

В то же время мусульманские институты, в первую очередь орден Муридий, все чаще оспаривают сельскохозяйственную политику государства, тормозя экономическое развитие страны в целом и тем самым напоминая официальным правящим кругам об их социальной анемии и ограниченности политических возможностей. В результате давления тарикатов на бюрократические институты государства и партии в культуре, идеологии, политике (как внутренней, так и внешней) развиваются националистические тенденции, сосуществующие с прозападным курсом в экономической сфере.

Дальнейшее политическое развитие Сенегала будет во многом определяться соотношением сил государства и орденов: с одной стороны, усилением или ослаблением в исламе тенденции, действующей «за» или «против» современной политической системы, а с другой — способностью режима и политических партий воздействовать на традиционные институты.

Учитывая, что социальная и экономическая действительность Сенегала, как и многих других африканских стран, уже сейчас, в данный момент, «подпитывает» тарикаты, а вторая тенденция только обозначается, можно утверждать, что ордена еще по крайней мере несколько десятилетий будут играть роль важнейшего элемента политической системы этой страны.

Примечания

¹ См. *Саватеев А. Д., Федутин Ю. Ю.* Сенегал: суфийские ордена в политической и экономической жизни // *Ислам в Западной Африке*. М., 1988.

² *Hesseling G.* Histoire politique du Sénégal. Institutions, droit et société. Paris; Leyden, 1985. P. 144.

³ См. *Энтин Л. М., Энтин М. Л.* Политология развития освободившихся стран. Критика немарксистских концепций. М., 1986. С. 128, 129.

- ⁴ Ежегодник БСЭ. М., 1985. С. 326; *Coulon C. Sénégal//Contestations en pays islamiques*. P., 1984. P. 78—82; *Fall M. Sénégal: L'État Abdou Diouf ou le temps des incertitudes*. P., 1986. P. 26—29.
- ⁵ *Hesseling G. Op. cit.* P. 328; Политические партии современной Африки. М., 1984. С. 50, 175.
- ⁶ *Tordoff W. Government and Politics in Africa*. London; Basingstoke, 1984. P. 8.
- ⁷ *West Africa*. L., 1988. № 3681. P. 403.
- ⁸ *Owona J. Droit constitutionnel et régimes politiques africains*. P., 1985. P. 273, 274.
- ⁹ *Magassouba M. L'Islam au Sénégal: Demain les Mollahs? P.*, 1985. P. 9; *Fall M. Op. cit.* P. 52.
- ¹⁰ См.: *Behrman L. E. Muslim Brotherhoods and Politics in Senegal*. Cambridge, 1970. P. 26—29; *O'Brien D. B. C. The Mourides of Senegal. The Political and Economic Organization of an Islamic Brotherhood*. Oxford, 1971. P. 69—75, 127—133; *idem. Saints and Politicians. Essays in the Organization of a Senegalese Peasant Society*, L.; N. Y., 1975. P. 87—109.
- ¹¹ *Copans J. Les Marabouts de l'arachide. La confrérie mouride et les paysans du Sénégal*. P., 1980. P. 101—156, 173—199; *O'Brien D. B. C. The Mourides of Senegal...* P. 101—121, 163—213; *Markovitz I. L. Traditional Social Structure, the Islamic Brotherhoods and Political Development in Senegal//J. Modern African Studies*. L., 1970. V. 8. № 1. P. 87, 88.
- ¹² *Zuccarelli P. Un parti politique africain: l'Union Progressiste Sénégalaise*. P., 1970. P. 310—320.
- ¹³ *O'Brien D. B. C. Le talibe mouride: la soumission dans la confrérie religieuse sénégalaise//Cahiers d'études africaines*. P., 1970. № 40. P. 562—578; *Markovitz I. L. Op. cit.* P. 86—88.
- ¹⁴ *Coulon C. Les musulmans et le pouvoir en Afrique noire. Religion et contreculture*. P., 1983. P. 40—44, 120.
- ¹⁵ *Monteil V. L'Islam noir: Une religion à la conquête de l'Afrique*. P., 1980. P. 180.
- ¹⁶ *Magassouba M. Op. cit.* P. 32.
- ¹⁷ *Copans J. Op. cit.* P. 243.
- ¹⁸ См.: *Малышева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70—80-е годы)*. М., 1986. С. 129; *Creevey L. E. Religion and Modernization in Senegal//J. Modern African Studies*. L. 1985. V. 23. № 4. P. 218.
- ¹⁹ *O'Brien D. B. C. Ruling Class and Peasantry in Senegal, 1960—1976. The Politics of a Monocrop Economy//The Political Economy of Underdevelopment. Dependence in Senegal*. Beverly Hills; London, 1979. P. 221—223; *Hesseling G. Op. cit.* P. 94, 95; *Schumacher E. J. Politics, Bureaucracy and Rural Development in Senegal*. Berkeley etc., 1975. P. 4, 5.
- ²⁰ *Coulon C. Sénégal...* P. 65; *O'Brien D. B. C. Brotherhood Power//West Africa*. L., 1982. № 3389. P. 1873.
- ²¹ См. *Jeune Afrique*. P., 1984. № 1212. P. 58; *O'Brien D. B. C. Brotherhood Power...* P. 1873.
- ²² *O'Brien D. B. C. Sufi Politics in Sénégal//Islam in the Political Process*. Cambridge, 1983. P. 134.
- ²³ *Малышева Д. Б. Указ. раб.* С. 130.
- ²⁴ *Jackson R. H., Rosberg C. G. Personal Rule in Black Africa*. Prince, Autocrat, Prophet, Tyrant. Berkeley etc., 1982. P. 92.
- ²⁵ *Ibid.* P. 94.
- ²⁶ См., напр.: *Fall M. Op. cit.* P. 37.
- ²⁷ Ислам в современной Африке. Вып. 1. М., 1982. С. 34; *Magassouba M. Op. cit.* P. 130—137.
- ²⁸ *Demain l'Afrique*. P., 1979. № 36. P. 55.
- ²⁹ *Magassouba M. Op. cit.* P. 132—135.
- ³⁰ *O'Brien D. B. C. Sufi Politics in Senegal...* P. 130.
- ³¹ *Africa Contemporary Record. Annual Survey and Documents 1984—85*. N. Y.; L., 1986. P. B-569.
- ³² См. *Le Monde Diplomatique*. P., 1981. № 326. P. 8.
- ³³ См.: *Africa Contemporary Record. Annual Survey and Documents 1982—83*. N. Y.; L., 1984. P. B-560; *Coulon C. Sénégal...* P. 83; *Hesseling G. Op. cit.* P. 296, 297; *Magassouba M. Op. cit.* P. 138.
- ³⁴ *Coulon C. Sénégal...* P. 83.
- ³⁵ См. *Ислам. Краткий справочник*. М., 1983. С. 115—117; *Coulon C. Les musulmans et le pouvoir en Afrique noire...* P. 136—142; *Gellar S. Senegal: an African Nation between Islam and the West*. Boulder; Hampshire, 1982. P. 115—117; *Jeune Afrique*. 1981. № 1062. P. 42.
- ³⁶ См. *Desouches C. Le parti démocratique sénégalais: Une opposition légale en Afrique*. P., 1983. P. 54, 55.
- ³⁷ *Gellar S. Op. cit.* P. 118—119; *Desouches C. Op. cit.* P. 186—190.
- ³⁸ *Magassouba M. Op. cit.* P. 148.
- ³⁹ Цит. по: *Fall M. Sénégal: L'État Abdou Diouf ou le temps des incertitudes...* P. 57.
- ⁴⁰ *Blanchet G. Elites et changement en Afrique et au Sénégal*. P., 1983. P. 159.
- ⁴¹ *Ibidem*.
- ⁴² *Le Monde*. 25.11.1978.
- ⁴³ *Coulon C. Les musulmans et le pouvoir en Afrique noire...* P. 139.
- ⁴⁴ См. *Fall M. Sénégal...* P. 77.
- ⁴⁵ *Coulon C. Sénégal...* P. 79; *Magassouba M. Op. cit.* P. 150.
- ⁴⁶ *Энтин Л. М., Энтин М. Л. Указ. раб.* С. 193.

The Rise of Nation-State under Religious-Political Dualism (The Case of Senegal)

Adaptation of African society to Western democracy is strongly influenced by local political, religious and cultural institutions. In Senegal the overwhelming majority is under the great influence of Moslem ecclesiastic Orders (Taricates). Their power is based on the unity of African and Moslem social and cultural norms. Strong discipline including the total submission of murides (ordinary Taricate members) to cleric authorities; the monopoly on peanut production (the main export product); other economic and financial activities convert the Taricates into socio-economic formation, independent from the State. The Orders became an integral part of Senegalese political system; without their support and approval no governmental project or political party activity are possible

A. D. Savateev